Кошмило Олег Константинович

ПРИНЦИП АВТОНОМИИ ВОЛИ КАК УНИВЕРСАЛЬНОЙ ВАЛЮТЫ ЕДИНОГО РЫНКА ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ЭТИКЕ КАНТА

В статье рассматривается проблема онтологической презумпции особой автономной нравственности субъекта в философии И. Канта. Лишенная трансцендентной (религиозной) референции кантовская нравственность приобретает характер рациональной автономности, сближаясь своими побудительными причинами с мотивами "экономического человека". Функционирование и кантовского субъекта, и субъекта рыночной экономики в равной степени предполагает автономную сбалансированность относительно имманентно конституируемой свободы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/2-2/27.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (16): в 2-х ч. Ч. II. С. 96-98. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

ONTOLOGICAL PROBLEM OF ANTHROPOLOGICAL GAP BETWEEN CONSCIOUS FORM AND UNCONSCIOUS CONTENT IN KANT AND FREUD'S PHILOSOPHIES

Oleg Konstantinovich Koshmilo, Ph. D. in Philosophy
Department of Philosophy and Social Communications
St. Petersburg Trade and Economic Institute
koshmilo-ok@yandex.ru

The author actualizes the problem of the anthropological gap between conscious form and unconscious content, in which creation both Kant's transcendental conception and Freud's doctrine are equally involved; and shows that the force field of anthropological gap charges the potential difference of the transcendental form as Kantian principle of will autonomy and the content as the inter-subjective desire, totally motivating the subject in Freud's psychoanalysis.

Key words and phrases: Kant; Freud; subject; desire; law; immanence; transcendence; pleasure; balance.

УДК 1(091)

В статье рассматривается проблема онтологической презумпции особой автономной нравственности субъекта в философии И. Канта. Лишенная трансцендентной (религиозной) референции кантовская нравственность приобретает характер рациональной автономности, сближаясь своими побудительными причинами с мотивами «экономического человека». Функционирование и кантовского субъекта, и субъекта рыночной экономики в равной степени предполагает автономную сбалансированность относительно имманентно конституируемой свободы.

Ключевые слова и фразы: Кант; субъект; объект; свобода; центр; баланс; спрос; предложение; цена; товар.

Олег Константинович Кошмило, к. филос. н.
Кафедра философии и социальных коммуникаций
Санкт-Петербургский торгово-экономический институт
koshmilo-ok@yandex.ru

ПРИНЦИП АВТОНОМИИ ВОЛИ КАК УНИВЕРСАЛЬНОЙ ВАЛЮТЫ ЕДИНОГО РЫНКА ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ЭТИКЕ КАНТА©

В науке этики – центральной для всей кантовской философии – Кант с максимальной категоричностью конструирует принцип имманентно-нулевой свободы. Этот воздвигнутый на недосягаемо онтологический уровень принцип был призван стать альтернативой традиционной нравственности, которая, будучи основана на христианско-религиозных ценностях, подверглась серьезной девальвации всем секулярно-научным контекстом Нового времени. Содержание морального принципа Канта полностью оформляется, прежде всего, в знаменитейшем *категорическом императиве*: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства!». Основательное разъяснение возможности полагания императива Кант дает в работе «Основы метафизики нравственности» (1785), которая публикуется следом за «Критикой чистого разума» (1781). В этой, в отличие от других трактатов, не особенно объемной, но фундаментальной работе Кант проводит ключевое различие между объективностью нравственного закона и субъективностью максимы – «субъективного принципа воления», чье понятие отличает *в-себе-бытийная* самоценность. Для учреждающего эту ценность Канта «добрая воля… имеет в самом себе свою полную ценность» [2, с. 60-61] и «превыше всего остального» [Там же, с. 86], т.е. даже превыше Божьей воли. Абсолютное преимущество субъективного воления над объективной целью воления Кант объясняет тем, что добрая воля «*должна* цениться сама по себе и без всякой другой цели», поскольку её понятие оценивает ценность всякого морального поступка [Там же, с. 63]. Полагая *самоценность* субъективного воления, Кант апеллирует к полумистическому «чувству долга», анализом которого снисходительно предлагает заняться «философам», и сам особо не утруждает себя объяснениями «почему?»: «добрая воля должна цениться сама по себе» – должна, и всё тут! Гарантией чистоты самоценности субъективного принципа воления является отсутствие какой-либо «выгоды» как положительной разницы от вычитания априорной моральной формы из материи апостериорного поступка, и «если поступок совершается из чувства долга, её должен определить формальный принцип воления вообще, ибо всякий материальный принцип у неё отнят» [Там же, с. 66].

Абсолютная самоценность априорно-субъективной формы воления (желания) (на основании установленного Кантом долга) определяет весь возможный опыт апостериорно-эмпирических поступков, имеющих в силу этого разумного принципа лишь относительную ценность [Там же, с. 89]. Проведя различие субъективного воления и его объективной цели, разведя их по противоположным полюсам, Кант затем конструирует

© Кошмило О. К., 2012

порядок следования одного из другого. Если формальный, «чистый» принцип субъективного воления определяет круг возможности обусловленных им объективных поступков, значит, объективный закон следует из субъективной максимы, как априорная центральная форма детерминирует апостериорное поле возможных практических объектов-поступков. А далее происходит нечто неожиданное. Моральный порядок долженствования из внушаемого чувства наподобие чувства виновной обязанности должника перед своим кредитором обращается в порядок логического принуждения цели к следованию за своей причиной, порядок причинно-следственной детерминации. Кант осуществляет циклическое переопределение морального мотива и логического основания: сначала от субъективной моральной максимы к логической необходимости, а от неё – уже к моральной необходимости как уже объективному закону. Вначале он суггестивно внушает уважение к тому долгу, по которому самоценное субъективное воление безусловно должно определять возможный практический поступок. После этого *морального* внушения Кант переходит к уже *логической* аргументации, по которой если поступок логически возможен на основе субъективного волеизъявления, то он и морально должен совершаться на этом уже логически-необходимом основании, сохраняя свою моральную самоценность. Логическая необходимость поступка оборачивается его моральной необходимостью как *императивом*.

Итак, сначала Кант в модусе морального внушения определяет объективным чувством долга субъективную свободу, а потом уже этой субъективной свободой логически определяет объективный закон, центрируя окружность всеобщего законодательства зазором автономной свободы. По Канту, сначала – **свобода** субъективного желания и только потом – объективный **закон** [Там же, с. 68]. Учрежденный Кантом свободный центр этического закона полагает все объективное поле моральных поступков, периферийная линия которого проводится как раз вокруг этого центра как «пребывающего в разуме оригинала» [Там же, с. 73]. Конституируемая Кантом субъективная безусловность воления тотально центрирует нулевой формой свободной воли весь круг всеобщего законодательства как своего собственного [Там же, с. 93]. Устанавливая моральность на субъективно-всеобщем основании, Кант замыкает округу закона на самой субъективности свободного воления в качестве его интегрального центра, чья свобода синхронизирует два ключевых принципа – высшую идеальность понятия *блага* как свободной доброй воли и высшую реальность, представленного объективным порядком округи закона, включающей большинство данного сообщества в виде «систематической связи между разумными существами через общие им законы» [1, с. 76-86; 2, с. 94].

Своей этической конституцией Кант предлагает разрозненной совокупности всех разумных существ уравновеситься в гармонию разумно-нравственного сообщества, конститутивным центром регулятивной балансировки которого разумно *должен* стать формальный центр категорического императива, образовав царство *гражданского общества*. Экономикой такой балансировки является обмен Цены (достоинства) автономной воли, поскольку её *понятие*, как сказано, является абсолютной ценностью оценивания всякого эмпирического действия [2, с. 63], на конкретный Товар практического поступка, чья ценность лишь относительна, смещена в отношении к своему формальному абстракту. По сути, Кант распространяет в сферу принципиально интуитивной, иррациональной и имеющей сакрально-мистическую референцию нравственности сугубо экономический закон баланса спроса и предложения и рациональный мотив экономического торга [4]. Универсальная *общечеловеческая* валюта категорического императива центрирует и создает общий рынок обмена поступками и их моральными оценками. В инспирируемом кантовским законодательством царстве, а точнее, на кантовском рынке люди превращаются в продавцов и покупателей моральности. Морально-рыночные субъекты оценивают свою и чужую моральность на рационально-прозрачном основании всеобще-эквивалентной формы. Эта форма уравновешивает наполненное вещами практических поступков предложение и спрос, образуемый их моральными оценками [2, с. 95]. Рациональность эквивалентной формы по своей универсальной идее должна исключать несправедливость взвешивания практического поступка и его моральной оценки на весах, где центром тяжести является категорический императив автономной воли.

Трансцендентальным гарантом *справедливости* обмена вещи практического объекта и слова его теоретической оценки, то есть справедливости как таковой, является, по Канту, самоценная *свобода* автономного желания. Другими словами, гарантом объективной законосообразной справедливости, устанавливающей межсубъектный компромисс, коллективный консенсус, *общественный договор*, является субъективность трансцендентальной свободы. То есть объективность гарантирующего равновесность нулевого центра моральной тяжести вменяется в субъективность трансцендентального основания, содержанием которого является автономное желание субъекта как «цели самой по себе» [Там же, с. 94]. В отличие от обычных механических весов, центр равновесия которых очевидно не принадлежит ни одной из взвешиваемых сторон, Кант конструирует такие весы, центр тяжести которых изначально относится к универсальному, всеобще-субъективному понятию, оценивающему ценность всякого морального поступка и полностью совпадающему с автономной свободой морального императива. И в отличие от обычной экономической акции купли-продажи, где уравновешивается товар и цена на него, а разница от их вычитания сводится к нейтральному нулю («товар – цена = 0»), Кант организует такую торговлю, в которой от вычитания из объективного поступка его моральной оценки всё же остается некий избыток, то есть, собственно, получается прибыль («поступок – моральная оценка = свободное желание») [3, с. 143]. Результатом морально-оценивающего взвешивания на весах категорического императива является прибыль автономного желания.

Таким образом, вопреки заявленной цели максимально освободить моральное чувство от мотива получения выгоды в виде небесных наград и земных удовольствий, несмотря на стремление к тому, чтобы достичь беспримесной чистоты ценной самой по себе благой воли, Канту так и не удается достичь этой высокой цели

моральной невыгодности. И итогом мотивированного категорическим императивом поступка оказывается именно выгода моральной прибыли в виде самого свободного желания себя. Результатом побужденного категорическим императивом действия является избыток желания человека быть «целью самой по себе» [2, с. 90], излишек желания себя в качестве «субъекта всех возможных целей» [Там же, с. 98].

Индивидуальным и конкретным итогом исторически беспрецедентного полагания тотального всеобщего этического центра царства нравственных целей становится различие его главы и члена. Разумное существо, устанавливая закон этого царства, которому само и подчиняется, являясь его первым членом, одновременно становится и главой царства, вменяя свою первую по времени волю в закон для следующих ему существ. Продолжающие закон учреждаемого Иммануилом Кантом царства рядовые граждане этого морального царства уже *должны* принуждать себя этой первой монаршей воле как нравственному закону. Несмотря на то, что в круг символического Закона включено если не все, то подавляющее большинство участников данного сообщества, то есть некое множество субъектов, в его центре пребывает одна и только одна субъективность, которая и является моральным богом этого сообщества. Социально-символическая объективность круга закона центрирована воображаемой интенсивностью морального субъекта, мотивированного желанием себя взамен вытесняемого Бога. То есть итогом этого законодательства оказывается несомненная прибыль вступления Канта в права морального монарха в пределах учреждаемого им морального царства [Там же, с. 94].

Список литературы

1. **Исаков А. Н., Сухачев В. Ю.** Этос сознания. СПб.: СПбГУ, 1999. 264 с.
2. **Кант И.** Основы метафизики нравственности // Кант И. Критика практического разума. СПб.: Наука, 2005. С. 56-119.
3. **Лакан Ж.** Инстанция буквы, или Судьба разума после Фрейда. М.: Логос, 1997. 184 с.
4. **Тарасов И. П.** Метафизика нравственности: универсальность моральных суждений и проблема «гетерономии воли» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (9). Ч. II. С. 193-197.

WILL AUTONOMY PRINCIPLE AS HUMAN VALUES SINGLE MARKET UNIVERSAL CURRENCY IN KANT'S TRANSCENDENTAL ETHICS

Oleg Konstantinovich Koshmilo, Ph. D. in Philosophy
Department of Philosophy and Social Communications
St. Petersburg Trade and Economic Institute
koshmilo-ok@yandex.ru

The author considers the problem of the ontological presumption of a subject's special autonomous morality in I. Kant's philosophy, shows that Kantian morality, deprived of transcendental (religious) references, assumes the character of rational autonomy, bringing together its motives with the motives of an "economic man"; and reveals that both Kantian and market economy subject's functioning requires equally autonomous balance in relation to immanently constituted freedom.

Key words and phrases: Kant; subject; object; freedom; centre; balance; demand; supply; price; product.

УДК 1(091)

В статье рассматривается проблема тождественности колебательного цикла балансировки субъекта в трансцендентальной философии Канта и психоанализе Фрейда. Целью и основанием этой балансировки выступает принцип удовольствия, объединяющий концепции Канта и Фрейда.

Ключевые слова и фразы: субъект; мышление; центр; трансцендентность; имманентность; баланс; спрос; предложение; цена; товар.

Олег Константинович Кошмило, к. филос. н.
Кафедра философии и социальных коммуникаций
Санкт-Петербургский торгово-экономический институт
koshmilo-ok@yandex.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП КОЛЕБАТЕЛЬНОЙ БАЛАНСИРОВКИ В ЦИКЛИЧЕСКОМ КОНТУРЕ СУБЪЕКТА В ФИЛОСОФИИ КАНТА И ПСИХОАНАЛИЗЕ ФРЕЙДА©

Общим свойством диалектики нравственной воли Канта и диалектики желания Фрейда, несмотря на разность подходов (в одном случае – трансцендентальном, в другом – позитивистском) является опора на *принцип удовольствия* душевно-энергетической сбалансированности субъекта. Характеризуя деятельность воображения

© Кошмило О. К., 2012